

ШЕЛ 1918 год. На 15 августа было назначено собрание скульпторов, изъявивших желание участвовать в работе по осуществлению плана монументальной пропаганды. Встреча проходила в старинном барском особняке на Малой Никитской, где размещался Союз скульпторов.

В просторной галерее, заполненной азартно спорящими людьми, одетыми в свободные артистические куртки и военные гимнастерки, Сергей Коненков, боком прислонившись к подоконнику — так светлее, — читает дельцу, только что врученному ему наркомпросовским курьером. По лестнице с озабоченным лицом поднимается молодой человек во френче, галифе, с аккуратной, во вкусе времени, бородкой клинышком. Это Николай Дмитриевич Виноградов — ответственный за проведение декрета о памятниках. Месяц назад он докладывал Ленину о своей деятельности, о том, как разбираются царские монументы, и получил от Владимира Ильича справедливое замечание: — Вы разбираете памятники хорошо. Но что же вы ничего не говорите мне о том, что делается по постановке новых революционных памятников?

Виноградов, представившись Коненкову, протянул ему мандат. Тот внимательно стал читать текст, напечатанный на узенькой полоске бумаги.

«Тов. Виноградов является ответственным лицом, а потому все, кто может быть полезен в его работах и в состоянии их выполнить, обязаны исполнять его просьбы, связанные со снятием памятников царей и их слуг, а также и по вопросам, связанным с постановкой памятников революционному народу и его героям».

Председатель Совета Народных Комиссаров В. УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН) 3.VIII.1918 № 2259. Совнарком Кремль».

Николай Дмитриевич внимательно рассматривал лицо погруженного в чтение Коненкова. Оно поражаало своей скульптурностью, чеканностью черт, одуховленностью общего выражения.

— Что вы можете сказать о том, как идет работа над памятниками?

Коненков молча подвел Виноградова к незакрытой двери большого зала, где проходило собрание, на котором велось распределение полученного через Наркомпрос правительственного заказа на 50 памятников. В короткое время предполагалось соорудить 50 памятников! Такого не знала история. Возбуждение было крайнее. В зале не смолкал шум голосов. Коненков только и сказал:

— Видите сами. Идет распределение — кому что.

Для глубокой задумчивости Коненкова были веские основания. Если коллеги-скульпторы еще только примеривались к историческим личностям, титанам революционной мысли, то Коненков в эти августовские дни жил овладевшим его сознанием гением Победы. В мастерской на Пресне, как только выдавался свободный вечер, он работал над эскизом большого цветного монументального рельефа.

По инициативе В. И. Ленина создавался мемориал над могилами павших героев Октябрьской революции.

В двадцатых числах июля секция изобразительных искусств Московского Совдепа, рассмотрев вопрос о постановке мемориальной доски, предложила ввиду спешности выполнить работу с оплатой эскизов шести лицам. Фамилия Коненкова стояла первой. И он же первым завершил работу над эскизом. «Произведение Коненкова, — писала «Правда» 21 сентября 1918 года, — вполне соответствует тому месту, где оно будет помещено: 1. как цветное, оно побеждает тот постоянный серый полумрак, который царит в этом месте из-за положения стены к солнцу; 2. т. к. доска может быть повешена достаточ-

ПАМЯТНИКИ РОССИИ

но высоко и, благодаря своим краскам, будет видна издали; 3. по своему внешнему виду она будет вполне гармонировать со всей площадью, где находится многоцветный собор Василия Блаженного, золото куполов и крашеная черепица башен. Отличаясь своею темой, по художественной конструкции (торжественность, стройность низкого рельефа, красочность) она родственна хорошим старорусским иконам, почему естественна и связывается со всей окружающей обстановкой Кремля... Темой взяты не временные моменты борьбы, а конечные идеа-

Мемориальная доска освободилась от лесов. Москвичи с интересом разглядывали еще не закрытое полотнищем изображение. Из верхнего левого угла по диагонали ступает навстречу людям крылатый гений Победы в венке и хитоне, облегающем нижнюю часть тела. Перед нами Победа, прошедшая сквозь огонь и смерть, исполненная восторга и вдохновения.

Широкие крылья трепещут, движения порывисты, страстны. Взор гения Победы подобен утреннему свету. В правой руке — темно-красное знамя, в левой — зеленая пальмовая ветвь бес-

Зарево новых зарниц

С. Т. КОНЕНКОВ. Мемориальная доска «Павшим в борьбе за мир и братство народов».

лы, изображая победу мира над войною, причем мощь фигуры указывает на силу того, кто несет этот мир».

Президиум Моссовета единодушно проголосовал за проект Коненкова.

Полтора месяца на исполнение и монтаж огромной — 7×8 аршин — мемориальной доски. Срок тяжелый, почти нереальный.

Взглянуть на крайне спешную работу, нарушавшую привычный ритм пресненской мастерской, приходили друзья Коненкова. Как-то появились музыканты братья Шведовы, а следом пришел Есенин с Клычковым и молодым, еще никому не известным поэтом Герасимовым. За дружеской беседой возникла мысль написать кантату и исполнить ее в день открытия мемориальной доски. Иван Шведов сказал, что он напишет музыку, а стихи возьмись сочинять три поэта вместе,

смертия, которой она осеняет героев, павших в Октябрьские дни семнадцатого года. У ног символической фигуры — полуманные сабли и ружья, воткнутые в землю. Они перевиты траурной лентой. За плечами надмогильного стража восходит солнце, в золотых лучах которого написано: «ОКтябрьская 1917 РЕВОЛЮЦИЯ». «Павшим в борьбе за мир и братство народов» — начертано на мемориальной доске.

7 ноября 1918 года праздновалось в Москве всенародно. Центральные площади, многие улицы были декорированы. Красочные арки, тематическое панно, нарядные трибуны, новорожденные эмблемы Советской власти, плакаты, лозунги сопровождали праздничные шествия.

Глубокое волнение овладело Коненковым, когда утром 7 ноября он пришел на Красную площадь. «Как высоко подняла ты, родная земля, крестьянского

сына со Смоленщины! Аж до кремлевских стен». Он физически ощущал холодок в груди от сознания неповторимости, торжественности момента.

Красная площадь начала заполняться делегациями заводов и фабрик, красноармейских частей. Небесную синь позолотили косые лучи предзимнего низкого холодного солнца. Морозно. Ветрено. Музыканты выстроившегося справа от трибуны военного оркестра, молодые, подвижные, согреваются по-извощичьи — с размаху обхватывая себя двумя руками за спину. Возле трибуны разместился хор — девушки, молодые женщины в меховых шапках и пуховых плащках, в длинных, по моде, зимних пальто.

— Где же Ленин? — спрашивает Коненков стоящего рядом с ним Петра Гермогеновича Смиловича.

— Владимир Ильич прибудет на Красную площадь вместе с колонной делегатов VI съезда Советов.

Выглядывая долгожданную колонну, Коненков несколько растерялся, когда увидел Ленина, идущего к Сенатской башне. На нем было пальто с черным каракулевым воротником и черная каракулевая шапка-ушанка. Он поздоровался со всеми присутствующими.

Началась церемония открытия.

К стене была приставлена небольшая лесенка-подставка, на которую должен был взойти Владимир Ильич, чтобы разрезать ленточку, соединявшую полотнища занавеса. Коненков держал в руке специально сделанную им к дню открытия живописную шкатулку: в ней лежали ножницы и деревянная печатка, на которой значилось: «МСРКА» (Московский Совет рабоче-крестьянских депутатов).

Владимир Ильич обратил внимание на шкатулку и на печатку: — А ведь это надо сохранить. Будут же у нас свои музеи.

Коненков передал ножницы Владимиру Ильичу. Он разрезал красную ленту.

Когда раскрылся занавес, заиграл военный духовой оркестр и хор исполнил кантату композитора Шведова на слова Есенина, Клычкова и Герасимова:

Спите, любимые братья!
Снова родная земля
Неколебимые рати
Движет под стены Кремля.
Новые в мире зачатья.
Зарево новых зарниц...

Слушая кантату, собравшиеся у Кремлевской стены замерли в скорбном молчании. Отзвучала кантата, и Владимир Ильич поднялся на трибуну.

«На долю павших в Октябрьские дни прошлого года товарищей досталось великое счастье победы, — говорил Ленин, — и Красная площадь внимала каждому его слову, — величайшая почесть, о которой мечтали революционные вожди человечества, оказалась их достоинством...»

Товарищи! Почтим же память октябрьских борцов тем, что перед их памятником дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму. Пусть их лозунг станет лозунгом нашим, лозунгом вставших рабочих всех стран. Этот лозунг — «победа или смерть». И с этим лозунгом борцы международной социалистической революции пролетариата будут непобедимы».

Десять лет спустя Владимир Маяковский в поэме «Хорошо!» отдал дань святому для каждого советского человека месту — братской могиле красногвардейцев, погибших при штурме Кремля.

И лунным пламенем
Озарена мне
площадь
в сиянии,
в яви
в денной...

Стена —
и женщина со знаменем
Склонилась
над теми,
кто лег под стеной.

Склонилась — навеки.

Юрий БИЧКОВ